

Научная статья

УДК 347.3

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-22-28

Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте

Валентина Вячеславовна Кванина¹

Наталья Евгеньевна Савенко²

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Россия

¹ vv.kvanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8420-9076>

² ne_amelina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9689-0818>

Аннотация

На основе системного анализа общих положений гражданского законодательства о формах сделки, договора и способах исполнения обязательств, и доктринальных точек зрения относительно сущности смарт-контракта как продукта цифровизации сделаны выводы о том, что смарт-контракт обладает сложной и неоднозначной правовой природой, позволяющей детерминировать его как разновидность электронного договора, отдельную форму письменной сделки (договора), способ исполнения обязательства. В отсутствие его легального понятия он не заменяет традиционный гражданско-правовой договор. Субъектный состав и содержание смарт-контракта опосредованы областью его применения. Не следует преувеличивать роль и значение смарт-контрактов и расширять сферу их применения за пределами гражданского оборота.

Ключевые слова

детерминация, смарт-контракт, сделка, договор, способ исполнения обязательства, форма договора, гражданский оборот

Для цитирования

Кванина В. В., Савенко Н. Е. Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 22–28. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-22-28

Determination of Smart Contract in Civil Turnover

Valentina V. Kvanina¹

Natalya E. Savenko²

^{1,2} South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

¹ vv.kvanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8420-9076>

² ne_amelina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9689-0818>

Abstract

Based on a systematic analysis of the general provisions of civil law on the forms of transactions, contracts and methods of performance of obligations, and doctrinal points of view on the essence of the smart contract as a product of digitalization conclusions are made that the smart contract has a complex and ambiguous legal nature, allowing to define it as a kind of electronic contract, a separate form of written transaction (contract), a way to fulfill an obligation. In the absence of its legal concept, it does not replace the traditional civil law contract. The subject composition and content of the smart contract is mediated by the scope of its application. We should not exaggerate the role and importance of smart contracts and expand the scope of their application outside of civil turnover.

© Кванина В. В., Савенко Н. Е., 2022

ISSN 2542-0410

Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 22–28
Juridical Science and Practice, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 22–28

Keywords

determination, smart contract, transaction, contract, method of obligation fulfillment, contract form, civil turnover

For citationKvanina V. V., Savenko N. E. Determination of Smart Contract in Civil Turnover. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 22–28. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-22-28

Эра «цифры» раскрывает широкое поле для научных теоретических и прикладных исследований и побуждает ученых к осмыслению, переоценке и сравнению новых цифровых явлений с традиционными категориями и институтами. В обозначенном аспекте смарт-контракт не является исключением. Процессы цифровизации повлияли на классические договорные обязательства посредством видоизменения формы, содержания, способа исполнения договоров. Одним из проявлений данного процесса является введение в гражданский оборот смарт-контракта, который подвергается пристальному вниманию со стороны многих исследователей (см. [1–6] и др.). Несмотря на наличие многочисленных работ, посвященных смарт-контракту, тем не менее, остается ряд недостаточно освещенных вопросов, а также спорных точек зрения относительно его сущности, которая может быть выявлена на основе системного анализа смарт-контракта как договора, формы сделки (договора), способа исполнения договора, сферы его применения. В рамках данной статьи остановимся только на этих аспектах.

Исходной точкой в понимании сущности смарт-контракта является вопрос о его понятии. В российском законодательстве до настоящего времени отсутствует легальное определение смарт-контракта, что породило в литературе многообразие его понятий. Мы же исходим из того, что смарт-контракт – это прежде всего двусторонняя (многосторонняя) сделка, а точнее – договор. Соответственно, «контракт» является юридически производным понятием договора, что подтверждается и Толковым словарем русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [7, с. 286]. Под договором же ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) понимает соглашение сторон о возникновении, изменении и прекращении гражданских прав и обязанностей. В свою очередь, «Smart» («смарт») в переводе с английского – сообразительный, умный². Исходя из этого, смарт-контракт следует понимать как «умный», цифровой договор.

Смарт-контракт как договор впервые официально был обозначен Центральным Банком РФ (далее – ЦБ РФ) в Аналитическом обзоре по теме «Смарт-контракты», опубликованном в октябре 2018 г. В нем ЦБ РФ определил смарт-контракт как договор с особыми признаками (самоисполняемость, автоматизация, прозрачность и т. д.)³.

В последующем российским законодателем предпринимались шаги по введению в правовое поле смарт-контракта путем внесения его понятия в проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В первой редакции указанного законопроекта под смарт-контрактом понимался «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств»⁴. Однако данное понятие так и не было включено в Федеральный закон от 31 июля 2020 г.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/7397> (дата обращения 25.02.2022).

³ Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты». URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения 24.02.2022).

⁴ Подробнее см.: Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения 25.02.2022).

№ 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵.

В отсутствие понятия смарт-контракта в п. 1 ст. 160 ГК РФ содержатся положения о форме письменной сделки с использованием электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе содержание сделки (т. е. условия сделки, права и обязанности сторон). Коррелирующее положение содержится и в ст. 434 ГК РФ, которое также допускает заключение договора путем составления электронного документа в соответствии с п. 1 ст. 160 ГК РФ. Более того, в п. 2 ст. 309 ГК РФ (в редакции от 18 марта 2019 г.⁶) закреплена возможность для сторон сделки исполнить возникающие из нее обязательства путем применения информационных технологий, предусмотренных самой сделкой, без направления дополнительного волеизъявления ее сторон.

Таким образом, исходя из действующего гражданского законодательства можно сделать вывод о том, что смарт-контракт является и способом исполнения договорных обязательств. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие авторы. Так, например, О. А. Тарасенко отмечает, что смарт-контракт можно признать надлежащим способом исполнения обязательств [8, с. 8]. А. В. Захаркина в развитие данной точки зрения предлагает внести дополнения в ГК РФ путем включения в него новой ст. 327.2 «Об исполнении обязательств с помощью информационных технологий (смарт-контракта)» [9, с. 79]. Данный подход выглядит рациональным ввиду того, что автор предлагает внедрить правовую категорию смарт-контракта именно в общую часть ГК РФ, которая является отправной точкой для регулирования отдельных видов договорных обязательств.

Наряду с этим, как показано выше, положениями ст. 160, 434 ГК РФ определено, что письменная форма сделки и договора считается соблюденной в случае применения сторонами электронных и иных технических средств. Представляется, что эти положения ГК РФ определяют разновидность письменной формы сделки и договора – электронной. Исходя из этого следует сделать вывод о том, что смарт-контракт – это и вид формы сделки (договора). Как отмечает Л. Г. Ефимова, электронная форма сделки «представляет собой качественно новый способ волеизъявления субъекта права», в связи с чем ею предлагается дополнить ГК РФ ст. 160.1 «Электронная форма сделки», согласно которой сделка считается совершенной в электронной форме, если воля сторон выражена в форме электронного документа, представляющего собой совокупность реквизитов с информацией о форме цифрового кода [10, с. 58–60].

Вышеуказанные положения ГК РФ привели отдельных авторов к выводу о том, что смарт-контракт – это разновидность электронного договора. Например, Л. Г. Ефимова, И. Е. Михеева и Д. В. Чуб рассматривают смарт-контракт как «особую разновидность электронного гражданско-правового договора любого типа» [11, с. 94]. В данном случае согласимся с авторами в том, что смарт-контракт – это не самостоятельная договорная конструкция и отдельным видом договора вряд ли может стать.

Схожей позиции придерживается и А. И. Савельев, более категорично утверждающий, что «смарт-контракт не представляет собой новый тип договора, это скорее особый способ заключения договора и формирования его условий», и сравнивает смарт-контракт с юридическими конструкциями: договором присоединения (ст. 428 ГК РФ), сделкой под условием (ст. 157 ГК РФ), договором с обусловленным исполнением обязательства (ст. 327.1 ГК РФ) [9, с. 360]. С другой стороны, автор в некоторой степени противоречит себе, говоря, что «многие уважаемые цивилисты продолжают терять драгоценный пар на то, чтобы обосно-

⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

⁶ Пункт 2 ст. 309 ГК РФ в редакции Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

вать, что «ничего нового под солнцем нет» и смарт-контракт не представляет собой ничего принципиально нового, вместо того, чтобы проанализировать поставленные проблемы, а возможно, обозначить и ряд других». В ряду проблем, связанных с использованием смарт-контрактов в договорной сфере, автор отмечает такие, как «регулирование порядка распределения рисков между сторонами договора; толкование условий договора; изменение и расторжение смарт-контракта; адаптация существующих средств защиты гражданских прав» и др. [12, с. 362–363].

И, наконец, распространенной является позиция о понимании смарт-контракта в качестве компьютерной программы. По мнению Ю. В. Трунцевского и В. В. Севальнева, смарт-контракт – это компьютерная программа, автоматически выполняющая условия соглашения, которое является самоподдерживающимся [13, с. 131]. Полагаем, что данная позиция является дополнительным аргументом в пользу того, что смарт-контракт следует считать разновидностью письменной формы договора (сделки), а именно письменной электронной (цифровой / компьютерной) формы.

В свою очередь, Л. Г. Ефимова предлагает дополнить ГК РФ статьей 313.1 «Исполнение обязательств посредством смарт-контракта», в которой называет смарт-контракт компьютерной программой, обеспечивающей автоматическое исполнение (прекращение) обязательств при условии наступления установленных обстоятельств. Такая компьютерная программа создается на базе цифровой платформы [10, с. 58–60].

По поводу признания смарт-контракта компьютерной программой или компьютерным кодом на уровне ГК РФ, другой автор – Л. Ю. Василевская, критично отмечает, что «смарт-контракт как компьютерный код составлен на языке программирования, прочитать который ни юристу, ни сторонам договора не представляется возможным. Вместе с тем условия договора должны быть понятны его сторонам, иначе сделка может быть признана недействительной, если она совершена, например, под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ)» [14, с. 20].

Данная позиция еще раз убедительно доказывает неоднозначность категории «смарт-контракт». Смарт-контракт изначально возник в технической сфере, – сначала появилась система блокчейн, а вместе с ней смарт-контракт и криптовалюта как продукты технологий, а не права. Поэтому очевидно, что механизм правового регулирования вынужденно подстраивается под техническую индустрию, – практика порождает необходимость принятия правовых норм для регламентации цифровых продуктов в правовом поле.

Относительно сферы применения смарт-контракта следует отметить, что данный вопрос предопределен его субъектным составом. Для среднестатистического гражданина несвойственно выступать на регулярной основе в гражданском обороте посредством смарт-контракта. Как отмечает Е. П. Волос, «дороговизна использования технологии блокчейн и смарт-контракта предопределяет тот факт, что вряд ли сфера их применения будет расширена на общественные отношения, которые возникают по поводу недорогих товаров, работ и услуг» [15, с. 44]. Поэтому, как правило, сторонами отношений в рамках смарт-контракта являются профессиональные участники соответствующей сферы деятельности.

Ввиду того, что смарт-контракт – это продукт цифровизации, обусловленный глобальными мировыми процессами, его появлению, как выше было сказано, предшествовало появление технологии блокчейн, понимаемой как цепочка блоков информации (платформа), которая призвана упростить и облегчить обработку различной информации, систематизировать и надежно ее сохранить. Блокчейн стал инструментом осуществления различных видов профессиональной деятельности (банковской, торговой, страховой, медицинской и др.). Это неизбежно породило возникновение смарт-контракта в инвестиционной сфере [16, с. 210–213], а также электронной коммерции (торговли) [12, с. 355–364]. Вполне обычным стало применение смарт-контрактов в сфере финансовых услуг по распоряжению криптовалютой; инвестировании; краудфандинге [17, с. 363–371]; в сфере различного рода автоматических платежей в торговле, страховании и т. д. В некотором роде смарт-контракты опосредованы и развитием роботизации [18, с. 710–723].

Вместе с тем нельзя не отметить появившуюся в юридической литературе тенденцию «фантазийного» понимания сфер применения смарт-контрактов за рамками договорного регулирования. Так, отдельные авторы стали переносить смарт-контракты не только на договорную область как частную сферу гражданского права, но и на иные проявления общественной жизни. Предлагается, например, использовать смарт-контракты в медицине при хранении, использовании медицинских карт пациентов, систематизации медицинских исследований (анализов). Также предлагается использовать их в экологической сфере при обращении с отходами (смарт-контракты как измерители объемов производства); в сфере организации избирательных процессов для подтверждения личности избирателя и записи его голоса; в сфере персональных данных личности при использовании биометрических данных [13, с. 137–138]. Однако при этом авторы забывают об исходной правовой природе смарт-контракта – договорной. Например, говоря об избирательном процессе, следует отметить, что данный процесс исключает договорные конструкции. Избиратель, реализуя свое пассивное избирательное право, ни с кем не договаривается: проголосовать ему или не проголосовать и за кого проголосовать. Это за пределами договоренности в силу установленной законом тайны голосования. В приведенных примерах из медицинской сферы (использование медицинских карт и исследований) также не наблюдается договоренностей между медицинским учреждением и пациентом, поскольку вышеперечисленные действия – это административные обязанности учреждения по соблюдению медицинской тайны истории болезни пациента. По нашему мнению, все вышеперечисленные примеры использования смарт-контрактов вне договорной области являются лишь частными примерами использования различных видов реестров системы блокчейн как баз данных в отдельных блоках. Предназначение таких реестров определяется целями и сферой использования. В связи с этим возводить смарт-контракт в ранг всемогущего инструмента цифровизации и придавать ему значение всеобщности и стандартизации во всех сферах общественной жизни как минимум видится надуманным.

Резюмируя вышеизложенное, следует прийти к следующим выводам. Во-первых, смарт-контракт, как продукт цифровизации и технологий обладает сложной и неоднозначной правовой природой, которая позволяет представить его одновременно как разновидность электронного договора, отдельную форму сделки (договора) и способ исполнения обязательства.

Во-вторых, субъектный состав, форма и содержание смарт-контракта опосредованы областью его применения. Смарт-контракт не заменяет традиционный гражданско-правовой договор, он детерминирован в большей степени как способ исполнения обязательства либо как разновидность письменной формы договора (электронная форма).

В-третьих, не следует преувеличивать роль и значение смарт-контрактов и расширять сферу их применения за пределами гражданского оборота.

Список литературы

1. **Сомова Е. В.** Автоматизированное исполнение обязательств из смарт-контракта // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 3. С. 13–21.
2. **Нагродская В. Б.** Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / Под ред. Л. А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.
3. Цифровое право: Учебник / Под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
4. **Лисица В. Н.** Смарт-контракт как договор, предусматривающий автоматизированное исполнение с применением информационных технологий // Право и законность: вопросы теории и практики: Сб. материалов XI Всерос. науч.-практ. конф. Абакан, 2021. С. 26–27.
5. **Бакулина Л. Т.** Общая теория договорного правового регулирования: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 440 с.

6. **Карцхия А. А.** Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 394 с.
7. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. АН; Рос. фонд культуры. 2-е изд., исп. и доп. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
8. **Тарасенко О. А.** Цифровое образование банковской и платежной систем России // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 3–10.
9. **Захаркина А. В.** Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 66–82.
10. **Ефимова Л. Г.** Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8 (129). С. 52–62.
11. **Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В.** Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.
12. **Савельев А. И.** Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 920 с.
13. **Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В.** Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118–148.
14. **Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.** Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): Монография: В 5 т. / Отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2021. Т. 1. 288 с.
15. **Ахмедов А. Я., Волос А. А., Волос Е. П.** Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: Монография / Под общ. ред. А. А. Волоса. М.: Проспект, 2021. 224 с.
16. **Абрамова Е. Н., Алексеенко А. П., Белова С. Н.** Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: Монография / Под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. 276 с.
17. **Кванина В. В.** Краудфандинговые договоры // Право цифровой среды: Монография / Под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. С. 363–371.
18. **Савенко Н. Е.** Законодательство о роботах и искусственном интеллекте в механизме правового регулирования роботизации // Право цифровой среды: Монография / Под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. С. 710–723.

References

1. **Somova E. V.** Automated execution of obligations from a smart contract. *Juridical science and practice*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 13–21. (in Russ.)
2. **Nagrodskaya V. B.** New technologies (blockchain / artificial intelligence) at the service of law: scientific-methodical manual. Ed by L. A. Novoselova. Moscow, Prospect, 2019, 128 p. (in Russ.)
3. Digital law: Textbook. Eds. V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow, Prospect, 2020, 640 p. (in Russ.)
4. **Lisitsa V. N.** Smart-contract as an agreement providing for automated execution with the use of information technology. Law and Legitimacy: issues of theory and practice. Materials of the XI All-Russian scientific and practical conference. Abakan, 2021, pp. 26–27. (in Russ.)
5. **Bakulina L. T.** General theory of contractual legal regulation. Dr. in Law Diss. Moscow, 2019, 440 p. (in Russ.)
6. **Kartskhia A. A.** Civil-legal model of regulation of digital technologies. Dr. in Law Diss. Moscow, 2019, 394 p. (in Russ.)

7. The explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences; Russian Cultural Foundation. 2nd ed., rev. and ext. Moscow, AZB, 1995, 928 p. (in Russ.)
8. **Tarasenko O. A.** Digital education of the banking and payment system of Russia. *Entrepreneurial law*, 2019, no. 3, pp. 3–10. (in Russ.)
9. **Zakharkina A. V.** Smart contract in the conditions of formation of the regulatory platform of the digital economy ecosystem of the Russian Federation. *Bulletin of Perm University. Juridical Sciences*, 2020, iss. 47, pp. 66–82. (in Russ.)
10. **Efimova L. G.** Alternative view on legal regulation of civil-law relations in conditions of digital economy. *Actual problems of Russian law*, 2021, vol. 16, no. 8 (129), pp. 52–62. (in Russ.)
11. **Efimova L. G., Mikheeva I. E., Chub D. V.** Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 4, pp. 78–105. (in Russ.)
12. **Saveliev A. I.** Electronic commerce in Russia and abroad: legal regulation Moscow, Statut, 2020, 920 p. (in Russ.)
13. **Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V. V.** Smart contract: from definition to certainty. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 1, pp. 118–148. (in Russ.)
14. **Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A.** Digitalization of civil circulation: problems and trends of development (civil research). Monograph. In 5 vols. Ed. by L. Yu. Vasilevskaya. Moscow, Prospect, 2021, vol. 1, 288 p. (in Russ.)
15. **Akhmedov A. Ya., Volos A. A., Volos E. P.** The concept of legal regulation of relations complicated by the use of smart contracts: Monograph. Ed. by A. P. Volos. Moscow, Prospect, 2021, 224 p. (in Russ.)
16. **Abramova E. N., Alekseenko A. P., Belova S. N., Vaypan V. A., Egorova M. A.** Problems of creating digital ecosystem: legal and economic aspects: Monograph. Moscow, Justitsinform, 2021, 276 p. (in Russ.)
17. **Kvanina V. V.** Crowdfunding contracts. In: Law of digital environment. Monograph. Eds. T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow, Prospect, 2022, pp. 363–371. (in Russ.)
18. **Savenko N. E.** Legislation of robots and artificial intelligence in the mechanism of legal regulation of robotization. In: Law of the digital environment. Monograph. Eds. T. P. Podshivalova, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow, Prospect, 2022, pp. 710–723. (in Russ.)

Информация об авторах

Валентина Вячеславовна Кванина, доктор юридических наук, профессор

SPIN 1666-1513

Наталья Евгеньевна Савенко, кандидат юридических наук, доцент

SPIN 3768-8365

Information about the Authors

Valentina V. Kvanina, Doctor of Sciences (Law), Professor

SPIN 1666-1513

Natalya E. Savenko, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

SPIN 3768-8365

Статья поступила в редакцию 28.02.2022;

одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 21.02.2022

The article was submitted 28.02.2022;

approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 21.02.2022